

О морфологической немаркированности и проблеме наименования

ЛАСЛО ЯСАИ

Jászay László, ELTE Keleti Szlav és Balti Filológiai Tanszék, Budapest, Múzeum krt. 4/D, H-1088
E-mail: jaszay@ludens.elte.hu

Abstract: In the present article, the discussion is focused on the Russian reflexive verbs with the *-ся* morpheme. In some of these verbs, there is a contradiction between the form and semantic: on the one hand not all of the reflexive verbs have reflexive meaning, on the other hand, several verbs express this meaning without the *-ся* morpheme. The author intends to demonstrate that in Russian language the reflexive meaning can be expressed not only by means of morphology.

Keywords: Russian reflexive verbs, morphological unmarkedness, grammatical semantics.

0. Вступительные замечания. В связи с морфологической немаркированностью рассматривается вопрос о статусе возвратных глаголов в рамках такого грамматического описания, в основе которого лежит семантика. В более конкретной формулировке вопрос состоит в следующем: можно ли говорить в русской грамматике с учетом только семантического содержания о проявлении возвратного значения, тем самым о существовании возвратных глаголов особого статуса, если в глаголе отсутствует морфологический показатель возвратности, постфикс *-ся*? Предварительно отметим, что на этот вопрос нами предлагается утвердительный ответ.

Известно, что в русском языке нередко наблюдается морфологическая немаркированность какого-либо грамматического значения. Она может быть и системным явлением, когда мы имеем дело либо, во-первых, с обязательным отсутствием какой-либо морфемы в парадигме слова (как, напр., в случае нулевого окончания имен существительных женского и среднего рода в родительном падеже множественного числа) или же, во-вторых, с необязательным наличием морфемы (ср. *сто грамм / граммов, кило апельсин / апельсинов*). Морфологическую немаркированность можно наблюдать и в случае глагольного вида: несмотря на то, что в глаголах, как *дать, лгать, спать* или *бросить, просить, простить* и др. нет такой морфемы, из наличия которой следовала бы видовая принадлежность (значение СВ или НСВ), у каждого из них есть вполне определенная видовая характеристика, причем, как показывает формальное сходство глаголов, независимая от их внешнего облика. Все приведенные выше примеры морфологической немаркированности можно считать более или менее регулярным явлением в русской грамматике. Такого рода случаи мы оставим без внимания. Ниже мы обратим внимание только на некоторые нерегулярные случаи формальной немаркированности при сохранении грамматической семантики.

1. О теоретической основе. Относительно своего подхода к данной проблематике мы присоединяемся к сторонникам функциональной грамматики, и в этом плане нашу общую концептуальную основу представляет исходно-семантический принцип (см. из многочисленных работ А. В. Бондарко [Бондарко 1983] и последовательное применение данного принципа в целях создания современного учебника в работах [Мустайоки 1993; он же 1997]). По поводу категоризации и грамматической квалификации глаголов на семантической основе мы должны обратить внимание на проблему, с которой мы сталкиваемся при терминологическом наименовании. Эта проблема возникает в результате того, что грамматическая форма и свойственное ей грамматическое значение не всегда находятся в соответствии. В русской лингвистике, согласно традиции, разные грамматические явления получают наименование преимущественно на формальном основании, значит, наименование обуславливается наличием формального показателя. Это понятно, так как грамматическими категориями считаются собственно морфологические категории, выражаемые обязательно посредством какой-либо морфемы. При этом, конечно, определяется и семантическое

содержание данной категории, однако относительно применения термина, первичными, как кажется, всё-таки считают то обстоятельство, выражено ли данное значение формально или нет. Довольно ярким примером формального подхода могут послужить возвратные глаголы: возвратными называются практически все глаголы, оканчивающиеся на *-ся*, в которых данный постфикс выражает не значение страдательного залога (типа *дом строится*). Следовательно, сюда относят, в частности, и такие глаголы, в которых ни собственно возвратного значения (как *одеваться*), ни взаимно-возвратного значения (как *целоваться*) не обнаруживается: так, например, *стучаться, звониться* <чтобы открыли>, *белеться, краснеться* или глаголы в сочетаниях типа *собака кусается, крапива жжется*. Ниже, под пунктом 2.1. вернемся к вопросу возвратных глаголов, более того, как было указано, в центре нашего внимания стоит именно понятие возвратности.

В последние десятилетия с распространением активной грамматики и с появлением разных функциональных направлений получило и обучение грамматике, в первую очередь, семантическую ориентацию. Исходно-семантический подход обычно отражается и в грамматической терминологии: с одной стороны, помимо традиционного термина появляются новые термины в более широком понимании, как, например, при обозначении функционально-семантических категорий (полей). См. в плане средств выражения комплексный и разноуровневый характер второго обозначения одного и того же общего содержания в следующих терминологических парах: **наклонение** и **модальность**, **вид** и **аспектуальность**, **время** и **темпоральность**, **лицо** и **персональность**, **залог** и **залоговость**.¹ С другой стороны, наблюдается и то, что внедренный уже термин уточняется, дополняется: ср. семантическую общность и формальное различие в терминах **прямая переходность** и **косвенная переходность** (как известно, при косвенно-переходных глаголах объект выражается не винительным падежом). В разных видах семантического синтаксиса – вслед за Ю. Д. Апресяном, И. А. Мельчуком и др.² – уже давно принято, что семантические валентности глагола могут иметь ряд формально (т. е. синтаксически) нетипичных реализаций, так, например, объектное значение может передаваться не только винительным падежом, но и любым другим, причем и с использованием предлога. Ср., в частности, *пользоваться словарем*, где *словарь* (хотя он в творительном падеже) является объектом пользования, или *стрелять по городу*, где объектом действия является *город*. В сочетании же *стрелять из чего-л.* реализуется валентность инструмента (т. е. вид оружия), хотя типичная синтаксическая реализация этой валентности – творительный падеж. Однако творительный падеж у этого глагола – *стрелять чем-л.* – выражает значение средства, обозначая пулю, вид патрона.

2. Направление «от значения к форме» в морфологическом описании. Следуя исходно-семантическому принципу, в настоящей работе мы будем подчеркивать, в первую очередь, значение, выражаемое в плане собственно морфологических категорий (т. е. морфемно маркированных категорий). Прежде чем обратиться к некоторым глаголам возвратного залога, проиллюстрируем примат значения над формой на проблеме страдательного залога, который касательно образования подходящей глагольной формы имеет морфологический статус (а в более широком плане является синтаксическим). В связи с образованием этого залога с нашей точки зрения особых проблем не возникает: мы различаем причастный пассив (образуемый, как правило, от переходных глаголов СВ) и глагольный пассив с постфиксом *-ся* (он образуется в основном от переходных глаголов НСВ). Проблема возникает в семантическом отношении. Семантика пассива обязательно предполагает исходно-объектную ориентацию действия, вследствие чего объект занимает позицию подлежащего. При этом творительный субъект «понижается по рангу», он чаще всего даже не фиксирован (не выражен) в предложении: *Двери открываются (водителем), На заседании (участниками) обсуждались актуальные вопросы школьного образования* и т. п. В сказанном, конечно, нет ничего особенного. Если, однако, строго придерживаться семантической дефиниции пассива и при этом оставить без внимания, каким способом оформляется страдательное значение, то на семантическом основании

¹ Подробное описание этих функционально-семантических категорий см. в томах с общим заглавием "Теория функциональной грамматики" [Бондарко 1987, 1990, 1991].

² См., в частности, работы [Апресян 1995; Мельчук, Жолковский 1984; Апресян, Палл 1982].

особыми пассивами должны признаваться те описательные обороты, в которых отглагольное существительное употребляется с вспомогательным (или иначе: функциональным) глаголом. Такой особый описательный пассив естественным образом заменяется привычной морфологической формой пассива: *метод находит применение – метод применяется, получает распространение – распространяется, подвергается анализу – анализируется, является предметом изучения – изучается* и т. п. Этот особый пассив, выражаемый аналитическим путем, по предложению немецкого лингвиста Р. Лёча (R. Löttsch) называется неканоническим пассивом. Именно этой проблематике автором посвящен целый подраздел в одном из томов серии «Теория функциональной грамматики», редактируемой А. В. Бондарко [Леч 1991: 181–193]. В отношении терминологического наименования здесь мы считаем важным подчеркнуть, что в лингвистической литературе было высказано такое мнение, согласно которому пассивом должны считаться, независимо от морфологического оформления, все образования или обороты, которые семантически соответствуют определению страдательного залога, тем самым критерию исходно-семантической ориентации.

2.1. Перейдем к рассмотрению собственно-возвратных глаголов с семантической точки зрения. Как известно, об этом значении говорится тогда, когда действие возвращается на самого производителя и постфикс *-ся* выступает в значении ‘себя’. В этой связи нам хотелось бы показать, что данная семантика, свойственная «каноническим» возвратным глаголам (т. е. глаголам на *-ся*), может проявиться и в глаголах без постфикса *-ся*, значит, в таких глаголах, которые традиционно в грамматиках и учебниках не трактуются в качестве рефлексивов. Следовательно, нами признается существование морфемно нехарактеризованных (= формально не выраженных, немаркированных) возвратных глаголов.

Прежде всего бросается в глаза, что в русском языке встречается несколько таких видовых пар, у которых имперфективный коррелирует в собственно возвратном значении имеет формальный показатель возвратности, а перфективный нет: *садиться – сесть, присаживаться – присесть, пересаживаться – пересесть, подсаживаться – подсесть, ложиться – лечь, лопаться – лопнуть, становиться – стать*. Однако отсутствие данной морфемы не лишает упомянутые глаголы СВ значения возвратности, это можно просто усмотреть, исходя из того общепринятого требования (которому отвечают все приведенные пары), что глаголы, соотносительные по виду, должны различаться только видовой семантикой, а остальными параметрами семантики (напр., возвратностью / невозвратностью) – нет. В пользу признания рассматриваемых глаголов в качестве рефлексивов (хотя и формально нехарактеризованных рефлексивов) можно привести еще и следующие три аргумента:

1) В некоторых других приставочных модификациях видовой пары *садиться – сесть* выступает и перфективный глагол как формально возвратный с морфемным выражением: так, *рассесться* при *рассаживаться, усесться* при *усаживаться*.

2) С нашей точки зрения небезынтересно и то, что в словарях для толкования этих возвратных глаголов с постфиксом *-ся* используется именно беспостфиксный глагол: *рассесться* – это ‘сесть по разным местам’, *усесться* – это ‘сесть удобно или надолго’. См. то же самое и в случае пар *делаться–сделаться* при *становиться–стать*.

3) Некоторые вторичные (переносные) значения беспостфиксного глагола *сесть* объясняются в толковых словарях использованием постфиксального синонимичного глагола: ‘опуститься, углубиться в землю’ (*Дом покосился и сел*); ⟨о ткани, одежде⟩ ‘укоротиться, сузиться от влаги’ (*Костюм сел после стирки*) [Ожегов–Шведова 1998: 714]. Указанные факты убеждают нас в том, что в таких случаях нельзя игнорировать семантический аспект, напротив, согласно активной грамматике, мы должны исходить именно из семантики, – формальные характеристики, по крайней мере в случае немаркированности, оказываются вторичными. Из этого следует и то требование, в соответствии с которым грамматическая терминология должна при наименовании явлений не в меньшей мере опираться на семантические критерии, чем на формальные.

2.1.1. Из сказанного и представленных выше примеров следует и то наше предположение, что среди русских глаголов могут быть такие формально нехарактеризованные рефлексивы, в которых возвратная семантика не поддерживается соотносительным глаголом НСВ, оканчивающимся на *-ся*, значит, она проявляется лишь имплицитно и опосредованно. В таком

случае возвратность может обнаруживаться лишь с помощью синонимических средств языка или на основе сопоставления данного глагола с близкими по значению «каноническими» возвратными глаголами (содержащими общий семантический компонент с анализируемым беспостфиксальным глаголом), или же посредством эквивалентов из других языков. В качестве примера можно привести глагол *отдохнуть*, которому мы приписываем скрытую, немаркированную возвратность. Имеется в виду *отдохнуть* не с косвенным объектом (т. е. в сочетании типа *отдохнуть от работы, от посетителей*), а глагол без дополнения, где семантически, на наш взгляд, подразумевается нереализованная морфема *-ся* в функции 'себя'.

Возможно, в первом приближении такое высказывание может показаться аномальным. Несмотря на это, в данной работе мы попытаемся поддержать такую точку зрения, что в употреблении типа *Наконец я отдохнул как следует, За два дня я хорошо отдохнул, За эти две недели мне удалось отдохнуть* в выделенном глаголе кроется и семантический компонент возвратности. В том-то и дело, что принципиальная возможность выражения объекта при глаголе *отдохнуть* (ср.: *Сосед уехал, и теперь можно отдохнуть от вечных споров* [Апресян, Палл 1982, 1: 788]) дает основание предположить наличие скрытой возвратности при опущении объекта. Таким образом демонстрируется, что данному глаголу также свойственна лексико-грамматическая семантика переходности (правда, она далека от прямой переходности), которая представляет семантическую базу для осмысления собственной возвратности, тем самым для образования собственно-возвратных глаголов. Значит, *отдохнуть* квалифицируется как косвенно-переходный глагол, у которого, однако, при отсутствии собственного объекта и при истолковании как рефлексива не реализуется показатель возвратности *-ся* (в функции 'себя' как объекта). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что сочетание с инклюзивным дуративом «за + темпоральный винительный падеж» предполагает завершение длительного процесса, исключая значение моментальности. Не случайно все в какой-то степени близкие или родственные по значению глаголы, входящие в одно общее семантическое поле, являются возвратными в общепринятом понимании, с морфемной маркированностью данного значения: *выспаться, отоспаться, отлежаться, отдышаться, отвлечься (от работы), поправиться*. Хотя мы не говорим о синонимах, относительно единичных семантических компонентов некоторых других глаголов также наблюдаются точки пересечения или соприкосновения с компонентом 'восстановить силы', выявляемым в глаголе *отдохнуть*. Ср. этот компонент с компонентом 'восстановить здоровье' в глаголах *вылечиться, вытрезвиться / отрезвиться / протрезвиться*.

Аргументом в пользу признания нехарактеризованного возвратного глагола служит и в этом случае лексикографическая практика, согласно которой многие «канонические» возвратные глаголы, близкие семантически к глаголу *отдохнуть*, в словаре Ожегова толкуются именно через глагол *отдохнуть*. Так, *отлежаться*: 'полежав вдоволь, отдохнуть' [Ожегов–Шведова 1998: 473]. Таким же образом поступают и в случае *отоспаться*: 'поспав вдоволь, отдохнуть после недосыпания' [там же: 477] или в случае *выспаться*: 'поспав достаточно, хорошо отдохнуть' [там же: 120]. В венгерском языке эквивалентом глагола *отдохнуть* в интересующем нас употреблении является возвратный глагол *kipiheni magát*. Немецкие эквиваленты – *sich ausruhen, sich erholen* – также являются рефлексивами. Правда, словарные соответствия с единицами, взятыми из разных языков, не являются решающим аргументом, тем не менее мы можем согласиться с тем, что выявленные таким образом принципиальные сходства скорее поддерживают признание скрытой возвратности, чем отрицают его. Возможность предложенной трактовки поддерживается и тем, что в русском языке грамматическое значение в исключительных случаях может выражаться и без специальной формы. Так, признать глагол *отдохнуть* морфемно нехарактеризованным возвратным глаголом, предполагает в принципе такой же исходно-семантический подход в морфологии, который позволяет считать что, например, глагол *бросить* – это моментальный, семельфактивный глагол, выражающий один акт действия в моментальном выполнении, хотя в нем отсутствует суффикс *-ну-* со значением однократности, в отличие, например, от синонимичных ему глаголов *швырнуть* и *кинуть* (являющихся семельфактивами и формально). Похоже, признание моментального значения глагола *бросить* никем не опровергается.

Встает вопрос, почему мы оставили в стороне соотносительный глагол НСВ *отдыхать*? Дело в том, что имперфектив употребляется скорее лишь для обозначения процесса или

состояния и, как показывает наше тестирование с носителями русского языка, форма *отдыхает* с трудом выражает значение формы *отдохнул*. Поэтому разные преобразования типа *За два дня он отдохнул как следует* → *За два дня он отдыхает как следует* кажутся маловероятными и принимаются не всеми, хотя такая трансформация общепринята в аспектологии для подтверждения лексической тождественности, тем самым и чистовидовой соотносительности глаголов (ср. эквивалентность фраз: *Вернувшись из отпуска, он взял словарь и за два дня перевел весь текст* → *Вернувшись из отпуска, он берет словарь и за два дня переводит весь текст*).

3. Заключение. Следуя принципам функциональной грамматики, при рассмотрении вопроса о возвратности на семантическом уровне, мы можем сделать такой вывод, что данное грамматическое значение может быть выявлено и в глаголах без постфикса *-ся*, глаголы *сесть* (*присесть, пересесть, подсесть*), *лечь, лопнуть, стать* семантически должны рассматриваться как возвратные. Как было показано, идея возвратности, исходя из семантики глагола, не чужда и глаголу *отдохнуть*, в нем – несмотря на отсутствие морфемного показателя – возвратность выражается в большей степени, чем в некоторых глаголах на *-ся*, рассматриваемых возвратными прежде всего на формальном основании. Так, в примере *Что-то белеется в дали* реально не обнаруживается возвратное значение или оно обнаруживается лишь в еле-еле ощутимом ослабленном виде (но если в нем выявить это значение, то оно, парадоксальным образом, должно было бы обнаруживаться и в синонимичном глаголе *белеть*). А что касается примеров *Он долго стучался (звонился), но ему не открыли* или *Собака кусается, Ёжик колется, Крапива жжется* и т. п., то в них вообще нет возвратного значения, в последних примерах «возвратными» глаголами выражается свойство субъекта. Видимо, в функциональных грамматиках критерии возвратности также нуждаются в пересмотре и уточнении, и выводы должны учитываться и в терминологических наименованиях.

В свете изложенного выше возникает также вопрос о допустимости применения термина так называемой «функциональной морфологии». Правда, на это сразу можно возразить тем, что сущность морфологии заключается именно в аспекте первичности формы, т. е. в той морфемной маркированности, от которой данная дисциплина не может отказаться. Однако в защиту предлагаемого термина «функциональная морфология» можно привести такой аргумент, что немаркированность (в нашем случае: немаркированная возвратность) рассматривается не как регулярное, а как периферийное явление в глагольной системе русского языка, и в этом случае первичным аспектом или отправной точкой естественным образом должна признаваться грамматическая семантика глагола. Поэтому представленная выше концепция, как мы полагаем, на самом деле не приводит к ущербу традиционной морфологии: последовательный учет семантических критериев предлагается не вместо, а помимо формальных критериев. Таким образом границы морфологии становятся менее жесткими.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Изд. 2-е, Москва 1995.
Апресян Ю. Д., Палл Э. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. 1–2. Будапешт 1982.
Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград 1983.
Бондарко А. В. (отв. ред.), Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград 1987; *он же*, Темпоральность. Модальность. Ленинград 1990; *он же*, Персональность. Залоговость. СПб. 1991.
Леч Р. Неканонические средства выражения пассивности: глагольно-именные конструкции типа *находить/найти применение, быть, являться, становиться предметом рассмотрения* (на материале русского языка в сопоставлении с немецким). В кн.: Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб. 1991, 181–211.
Мельчук И. А., Жолковский А. К. (отв. ред.), Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. (Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики): Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 14, 1984.
Мустайоки А. Выражение модальности в модели функционального синтаксиса. (Slavistische Beiträge 305, Hrsg. Francesca Fici, Simonetta Signorini). München 1993, 149–156.
Мустайоки А. Возможна ли грамматика на семантической основе?: Вопросы языкознания 1997/3: 15–25.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, Москва 1998.

